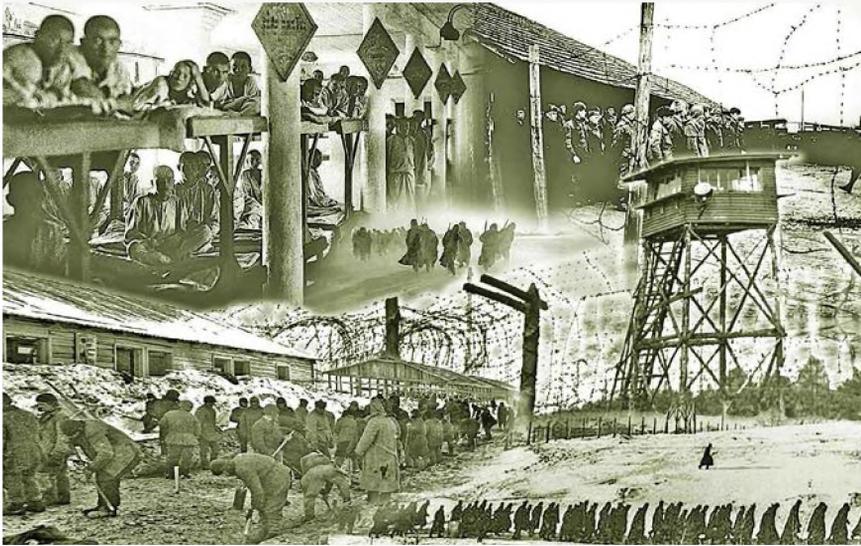

Казанская

Правда

Эхо «большого террора»

Как известно, страшным порождением сталинского режима была система советских концлагерей, так называемый ГУЛАГ – Главное управление лагерей. На территории Казахстана первый лагерь Карлаг – Карагандинский лагерь изменников родины – появился в 1931 году, и вскоре в древние степи Сарыарки со всех концов Союза этапами стали прибывать эшелоны «врагов народа».

Их численность росла год от года. Территория Карлага равнялась территории Франции, почти 2 млн га! Столицей Карлага был поселок Долинка, «воротами в ад», куда приезжали заключенные, – станция Карабас, а братской могилой для тысяч его узников стали безбрежные казахские степи. К 1941 году ГУЛАГ достиг чудовищных размеров: 56 исправительно-трудовых лагерей, 910 отдельных лагерных подразделений и 424 исправительно-трудовые колонии. Численность заключенных составляла порядка полутора миллиона человек, почти половина их сидела по политическим мотивам.

Уровень смертности в советских концлагерях был поистине ужасающим, например, только в 1942 году в ГУЛАГе умерли почти 300 тыс. человек!

Самое горестное, что «врагами народа», как правило, объявлялись честные люди, цвет нации, которые не хотели поступиться ни своими принципами, ни своей совестью во имя укрепления сталинского диктаторского режима. По последним данным, за все время сталинских репрессий было уничтожено почти столько же человек, сколько погибло на полях Великой Отечественной войны, – порядка 20 млн!

Оттепель

Как рассказала старший научный сотрудник Архива Президента РК Евгения Чиликова, первые шаги на пути к политической реабилитации со стороны советского правительства были предприняты в период оттепели – с середины 1950-х до середины 1960-х годов. Затем в 1987 году была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 1930–1940 годах и начале 1950-х.

– С обретением независимости Казахстан на государственном уровне принял меры по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. В 1993 году был принят Закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», в 1997-м – Указ Президента РК об учреждении 31 мая Днем памяти жертв политических репрессий и голода. В 2020 году Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев с целью завершения работы по восстановлению исторической справедливости подписал Указ «О создании Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий», – говорит Евгения Чиликова.

Всего несколько десятилетий отделяют нас от того момента, когда исследователям было разрешено ознакомиться с документами, рассказывающими о событиях 1937–1938 годов. Обратился к этой теме и Архив Президента РК, результатом стал документальный сборник «Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.», изданный почти четверть века назад.

Как пояснила Чиликова, особенностью этой книги стал именно указатель, в котором впервые были опубликованы биографические справки на репрессированных лиц, подготовленные по сведениям Центра правовой статистики и информации при Генеральной прокуратуре и управления регистрации архивных фондов департамента Комитета национальной безопасности по городу Алматы и Алматинской области. Эта информация помогла одной из казахстанских семей узнать судьбу своего родственника.

Трагедия семьи Копыловых

Есть такая несколько циничная фраза о том, что смерть одного человека – это трагедия, а десятков тысяч – статистика. Но мне представляется, что для потомков жертв сталинских лагерей гибель близких им людей навсегда останется только трагедией. Многие даже не знали о судьбе своих родных – где и как они погибли, где захоронены.

Все скрывал страшный гриф «совершенно секретно». До сих пор открываются ранее закрытые для постороннего взгляда дела, и мы узнаем о судьбах десятков тысяч невинно загубленных людей.

Вот что рассказала мне кандидат исторических наук член правления общества «Адилет» Елена Грибанова.

– Среди опубликованных документов есть письмо прокурора Северо-Казахстанской области секретарю обкома той же административно-территориальной единицы об издевательствах над заключенными. Как свидетельствует документ, из них выбивали признание в деяниях, которые люди не совершали, порой подследственные, рядовые труженики, не все азбучно грамотные, даже не понимали, что от них хотят и о чем идет речь. Энкавэдешникам же «спускали» план, по которому необходимо было доказать вину определенного количества невинных людей, чтобы их расстрелять или направить в лагеря для рабского, изнурительного труда. Единственным доказательством вины в такой ситуации было собственное признание в ней арестованных. Их сутками заставляли находиться неподвижно в одной позе, не давали спать...

Да мало ли что можно было придумать, чтобы лишить человека способности проявлять волю и контролировать себя. И допрашивали, допрашивали, допрашивали. Попавшие в беду пытались жаловаться. В упомянутом письме, автор которого надеялся добиться справедливости, одна из составителей увидела фамилию, которую знала, как и фамилию одноклассницы: Копылов Терентий Степанович. Вспомнилось имя отца подружки: Василий Терентьевич. Совпадений быть не могло!

Терентий Степанович и его семья жили в Степняке. Как рассказала его внучка, известный в Нур-Султане врач-оториноларинголог Наталья Васильевна Иванникова, ее дед был потомком приехавших в Казахстан, вероятно еще в XIX веке, русских переселенцев. Семья, кроме главы, состояла из его жены, Клавдии, которая занималась воспитанием детей и домашним хозяйством, и старшей дочери Марии, впоследствии врача-фтизиатра, рано умершей от туберкулеза и оставившей дочь Галину, воспитанную бабой Клавой.

В 1925 году родился сын Василий, а еще через 5 лет – второй сын, Виктор, посвятивший себя лесничеству. Младшей была Валентина, повзрослев, работала экономистом, бухгалтером в поселке Шортанды Целиноградского района.

По словам Натальи Васильевны, дедушка был человеком очень строгим, скромным, справедливым и, относительно своего окружения, грамотным. Работал в Степняке на золотодобывающем комбинате или на одном из такого рода предприятий. Более точной информации семейная память не сохранила. Терентий Степанович пользовался уважением, соседи его привечали и прислушивались к его мнению. Как грамотный человек много читал, радио слушал, любил поделиться своими знаниями. Жили дружно, но трудно. Василий и Виктор зимой ходили в школу, гулять отправлялись по очереди – валенки были одни на двоих. Летом бегали по улицам босиком. Но в те годы так жило большинство простых советских граждан.

Осенью 1937 года в дом пришла беда: Терентия Степановича, которому в тот момент было всего 34 года, арестовали. За что? Его семья не знала, никто из них никогда не верил, что их отец мог быть в чем-то виноват. Когда энкавэдэшники увозили Терентия, старший сын, еще подросток, бежал за ним и кричал: «Папка, не уезжай, возьми меня с собой». Терентий ему отвечал: «Васятка, беги домой, простудишься, я не виноват, знай, сынок – я ни в чем не виноват, не верь никому».

Потом Клавдия с сыном Васей ходили к тюрьме, обходили ее вдоль забора. Женщин и детей охрана гоняла палками, нагайками, но Василий был пацаном юрким, смог проникнуть на территорию этой тюрьмы и услышать слова отца из окна: «Сынок, я ни в чем не виноват».

Арест Терентия был для семьи катастрофой. Клавдия с этой поры работала везде, куда брали, чтобы прокормить детей и сохранить семью. Однажды она с детьми, в том числе с еще одной маленькой дочерью Павлушкой, которая в дороге умерла, ушла из Степняка куда-то в район Сталинграда, в степи, в Приволжье, в надежде прокормиться и скрыться от людских пересудов. Но вскоре пришлось вернуться назад, потому что в тех краях люди тоже голодали и не было никого, кто мог бы поддержать семью.

Клава вернулась уже не в Степняк, а в Енбек, разъезд номер 32, где жила и семья будущей жены Василия. Он вспоминал, что из военкомата им прислали справку, якобы Терентия отправили отбывать срок на Дальний Восток. Началась война, а с ней – неразбериха. Поиск продолжить было невозможно. В послевоенное время семья получила справку, о том, что Терентий умер от туберкулеза.

Клавдии одной было очень сложно. Город едва мог их прокормить, найти достойную по оплате работу на разъезде было невозможно. Женщина бралась за все: обрезала ветки, расчищала пути от снега,

работала на полях и дети вместе с ней. В общем, выкручивались как могли.

Из-за скудости средств ребята не получили должного образования. Семья переехала на 32-й разъезд, потому что в Алексеевке, недалеко, жил влиятельный родственник, он и материально помогал, и помог Василию поступить в Балашовское летное военное училище несмотря на то, что тот имел всего лишь 4 класса образования. На втором курсе, когда уже началась летная практика, узнали, что Василий – сын «врага народа». Из училища его отчислили.

Василий Терентьевич вспоминал: «Меня никто не спрашивал про папу, а я особо и не говорил». Шла война. Василий просился на фронт как доброволец, его взяли в какие-то обозы по доставке продуктов. Пока призванные ехали на фронт, война уже закончилась. Но статус гражданина, принявшего участие в помощи фронту, он имел. Сохранилось фотография, на которой Василий в военной форме рядового обозного солдата.

Клавдия умерла, так ничего толком и не узнав о своем муже. Ее мучила мысль о том, как же Терентий мог так поступить со своей семьей: не дал о себе никакой весточки? Клава была красивой женщиной, но почти всю молодость провела одна, второй раз вышла замуж уже будучи глубоко пожилым человеком.

Василий всю жизнь страдал, думая, что его родной человек так долго жил вдали от семьи и ничего о себе не сообщил. Наталья, его внучка, считала, что, может быть, он снова женился, завел детей. Надо было искать деда, но никто не знал, как к этому подступиться.

Всю правду семья узнала из документального сборника «Политические репрессии в Казахстане», в именном указателе которого были приведены следующие сведения: «Копылов Терентий Степанович (1903–1937). Проживал в Энбек-Шильдерском р-не СКО. Тройкой УНКВД этой области приговорен 19 сентября 1937 года к расстрелу. Постановлением Президиума Кокчетавского облсуда от 13 января 1961 года реабилитирован».

Василий Терентьевич был потрясен, узнав о судьбе отца, в то же время он испытал истинное душевное просветление: его отец не предавал своей семьи. Василий Терентьевич – мастеровой человек, работал всю жизнь в депо железной дороги слесарем, умел абсолютно все. Не раз говорил: «Этому меня батя научил».

Елена Грибанова рассказала и о том, что на презентации сборника «Политические репрессии в Казахстане» к составителям подошла молоденькая девушка-журналист. Среди ее вопросов был и такой: «Зачем поднимать тему репрессий и кому такой сборник нужен?»
Рассказанная история – убедительный ответ на ее вопрос.

ЕЛЕНА БРУСИЛОВСКАЯ